



XIV годъ

№ 33

годъ XIV

1883

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и

ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Выданъ 13 Августа 1883 г.

Продолжается подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ ... 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ ... 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ от-
дѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печков-
ской, Петровская Торгов. линія. ... 5 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе
города Россіи. 6 р.

За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и др. госуд. 8 р.

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 3 р., съ перес. иногороднмъ 3 р.

Каждый новый подписч. получаетъ всѣ уже вышедши въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ д. № 9.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особая приложе-
нія при „НИВѢ“
объявленій отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
ионг. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.

РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя къ
печати авторамъ
не возвращаются.

М. А. Чижовъ.

Число русскихъ скульп-
торовъ - современниковъ
очень не велико: Камен-
скій, Лаверецкій, Забѣл-
ло, Опекушинъ, Подо-
зеровъ, Микѣшинъ, Сни-
гиревскій, Бокъ, — и на-
конецъ Чижовъ, — вотъ
и всѣ. Большинство изъ
нихъ, сознавая всю не-
возможность служить ан-
тичному миру, взялись
за реализмъ, и работаютъ,
по преимуществу, портреты. Сюжеты идутъ
у нихъ съ трудомъ и не
могутъ похвальиться лег-
костью выполненія. „Первый шагъ“, „Род-
ное слово“, „Крестьянинъ въ бѣдѣ“, „Вдо-
ва“ и пр.— все это до-
вольно сухая трактовка
сюжетовъ, на которыхъ
у насъ нѣтъ спроса.

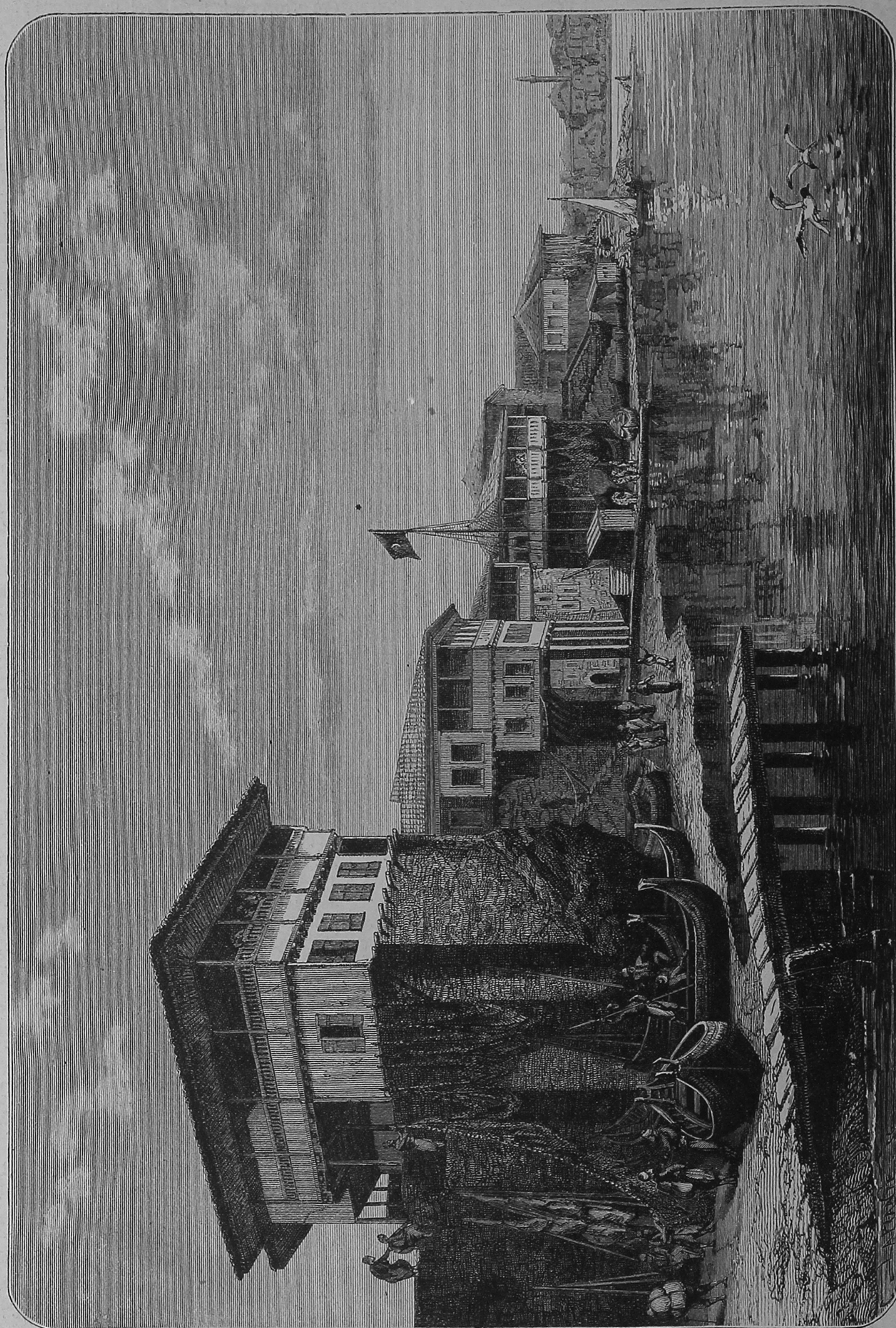
Въ половинѣ шести-
десятыхъ годовъ наша
скульптура была въ пол-
номъ застоѣ: старые
скульпторы уже мало по
малу сходили какъ съ
художественного, такъ и
съ жизненного поприща;
молодая же школа бы-
ла еще въ зачаткѣ и не
успѣла еще ничѣмъ за-
явить своего направле-
нія. Вотъ почему на Па-
рижской выставкѣ 1867
года наша скульптура
потерпѣла полнѣшую
неудачу и иностранцы
произнесли надъ нею

жестокій, но, въ сущно-
сти, справедливый при-
говоръ: „У русскихъ
скульпторовъ, говорили
они, нѣтъ и тѣни ори-
гинальности. Въ ихъ про-
изведеніяхъ ярко бро-
сается въ глаза академи-
ческая условность, хо-
лодное мастерство, ба-
нальность формъ.“ Един-
ственные скульпторы, обра-
тившіе на себя вни-
маніе на выставкѣ, были
Либерихъ и Каменскій.
Но это безплодіе нашей
скульптуры было, къ
счастью, лишь временно;
реальная школа, прояв-
лявшая сначала свое су-
ществованіе лишь въ слабыхъ,
ученическихъ ра-
ботахъ, мало по малу,
зavoевала себѣ почетное
мѣсто въ нашемъ иску-
стствѣ и у нихъ явился
цѣлый рядъ талантли-
выхъ скульпторовъ-реа-
листовъ, въ числѣ кото-
рыхъ Матвѣй Аѳанасьевичъ
Чижовъ пользуется заслуженою из-
вѣстностью.

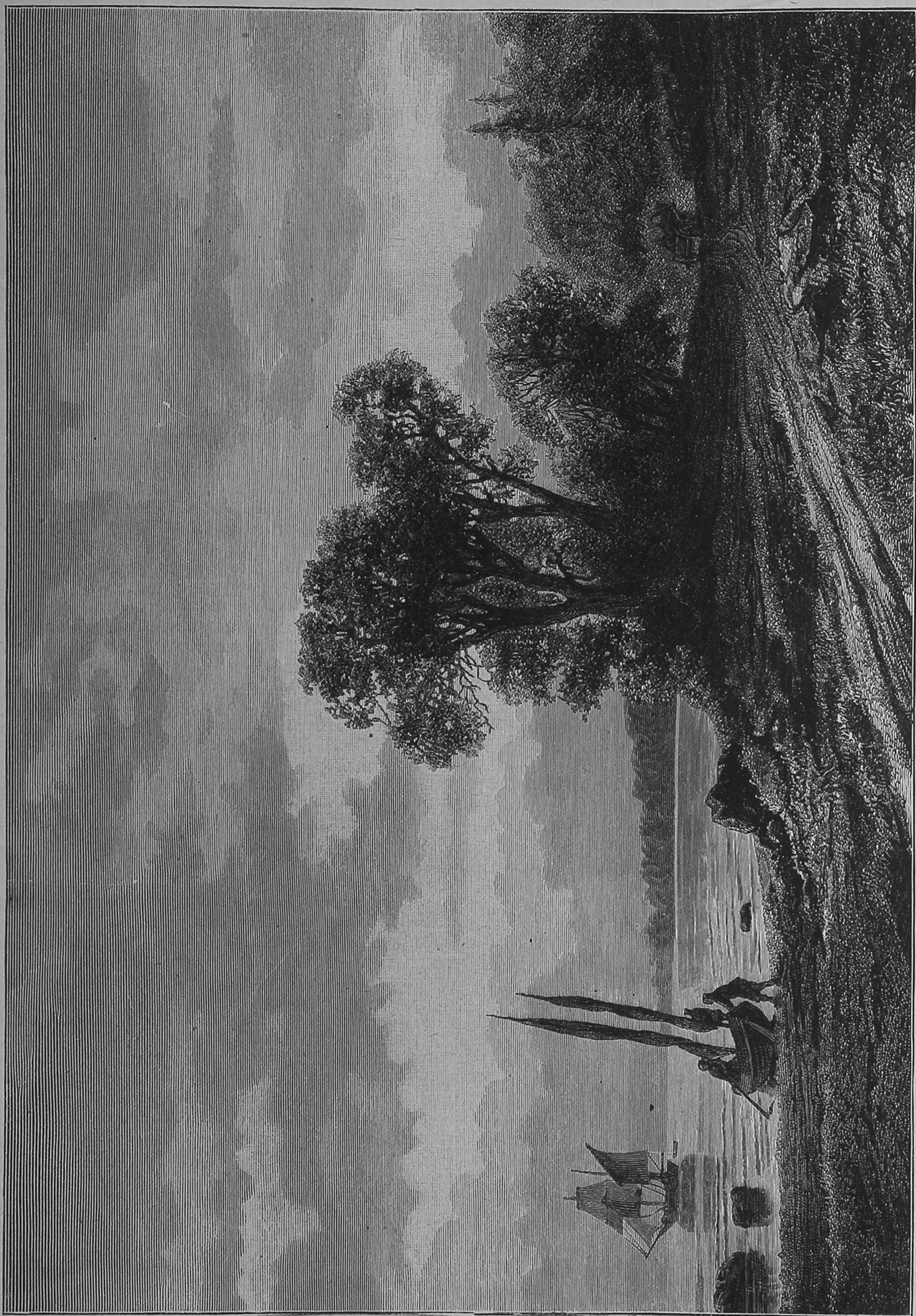
М. А. Чижовъ родился
въ деревнѣ Пудово (Мо-
сковской губ.) 10 ноября
1838 г. и, проведя здѣсь
первая семь лѣтъ жизни,
отправленъ былъ въ 1851
году въ Москву, гдѣ сна-
чала посѣщалъ лютеран-
скую школу св. Михаила
и потомъ Строгановское



Академикъ М. А. Чижовъ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.



Набережная въ г. Трапезундѣ. Ориг. рис. Лапланта, грав. Гильдебрандъ.



Пейзажъ. Съ карт. проф. Лагорио. По фотогр. грав. М. Рашевскій.

Наконецъ князь Есперь пришелъ въ себя. Даже въ полуутынѣ занавѣщенаго будуара были видны его отчаянныя гримасы.

— Вамъ нужно успокоиться, та піѣсе, началъ онъ, изо всѣхъ силъ стараясь придать себѣ видъ оскорбленааго достоинства.—Съ вами говорить трудно... Я давно знаю госпожу Татаринову, но только вы изволите очень ошибаться, полагая, что ея мѣсто въ Сибири... Это почтеннaya, уважаемая женщина...

— Ахъ, Боже! всему Петербургу известна ея почтенность! Кого же выгнали изъ Михайловскаго замка?

Но князь уже значительно успокоился и владѣлъ собою.

— Развѣ кто нибудь изъ насть избавленъ отъ враговъ и ложныхъ доносовъ?! Еслибы госпожа Татаринова была въ чемъ нибудь виновата, то и получила бы за это должное наказаніе. Между тѣмъ, если вы указываете на ту ея исторію, бывшую въ семнадцатомъ году, то должны же, та піѣсе, знать, что государь императоръ почелъ доносъ, сдѣланный на госпожу Татаринову, ложнымъ и приказалъ оставить въ покой какъ ее, такъ и всѣхъ ея друзей...

— Очень жаль... это все князь Голицынъ, известный еретикъ и покровитель всякихъ вредныхъ людей...

— Нарадно вы такъ отзываетесь о почтенномъ государственномъ мужѣ, который пользуется довѣрiemъ государя.

— Ошибаетесь, государь теперь ему не очень то довѣряетъ!

— Такъ вѣдь это по проискамъ архимандрита Фотія.

— Происки! Вотъ архимандритъ Фотій такъ, точно, говорятъ, святой человѣкъ!.. И еслибы вы къ нему повезли Нину, то я бы вамъ только благодарна, отъ него она ничему дурному не научилась бы. Но къ Татариновой ее сманивать это... это низко!..

— Ма chere, успокойся, ты забываешься... вѣдь онъ твой дядя! воскликнула генеральша.

— Ахъ, маман, да вѣдь есть же предѣль!

— А главное—это клевета! обращаясь къ сестрѣ и довольный ея поддержкой, сказалъ князь Есперь.—Я, повторяю, никуда Нину Александровну не сманивалъ. И если она давно, еще до прїѣза сюда, была знакома съ госпожей Татариновой и если даже я ее тамъ встрѣчаю, такъ я то тутъ при чёмъ?! Я могъ только порадоваться, что у молодой дѣвушки хорошія знакомства, что она бываетъ у почтенныхъ людей, которые могутъ принести ей много нравственной пользы...

Но княгиня не могла уже болѣе выносить этого лицемѣрнаго тона, а главное, ее возмущало то, что ея мать, которая, очевидно, очень хорошо понимала весь вредъ и все неприличіе для молодой дѣвушки знакомства съ Татариновой, и которая сама первая подняла эту исторію, теперь вдругъ, когда главный виновникъ былъ на лицо, очевидно отъ всего отстранялась.

Вмѣсто того, чтобы поддержать дочь и вмѣстѣ съ нею напастъ на князя, она перешла на его сторону и даже не спорила съ нимъ, какъ будто раздѣляла его взгляды на Татаринову.

Княгиня не могла сообразить, что ея матери, въ сущности, очень мало дѣла и до Татариновой, и до Нины, и до чего угодно. Эта исторія была для нея просто развлечениемъ. Она была рада маленькому скандалу, подстроенному ея компаньонкой, рада была отъ скучи слѣдить за перебранкѣ между братомъ и дочерью.

— Мне съ вами говорить нечего! вдругъ крикнула княгиня обращаясь къ дядѣ.—Я только очень довольна, что все это наконецъ открылось...

Она вышла изъ будуара генеральши и, къ изумлению и соблазну всѣхъ, посадившихъ ей на встрѣчу домашнихъ, задыхаясь и отдуваясь, себя не помяя, почти бѣгомъ бѣжала въ комнату Нины.

— Добились! крикнула она ей,—осрамились! Теперь уже о васъ Богъ знаетъ что говорять въ цѣломъ домѣ, скоро по городу трубить станутъ!..

— Господи! да какое же преступлениe наконецъ я сдѣлала?! проговорила утомленная всѣми этими объясненіями Нина.

— Преступлениe, почти что такъ, матушка! Развѣ слѣдѣть вамъ бывать тайкомъ отъ меня у этой ужасной Татариновой?!.. И не говорите, не оправдывайтесь, не вывертывайтесь!..

Но Нина была такъ поражена, что не могла произнести и слова.

А княгиня продолжала:

— Я знаю, что вы станете, также какъ и мой дядюшка, другъ вашъ, увѣрять, что эта Татаринова прекрасная, чуть не святая женщина. Но если она и прекрасная и святая—зачѣмъ же вы все время, два года, шутка ли, скрывали знакомство съ нею? Вотъ этимъ скрываніемъ вы себя и выдаете! Еслибы совѣсть ваша была чиста, еслибы не было ничего дурнаго—скрывать не стали бы. Мнѣ стыдно за васъ, сударыня, стыдно...

Княгиня совсѣмъ захлебнулась, порывисто отперла дверь и вышла.

„Что же теперь дѣлать?!“ думала Нина.—Она меня считаетъ преступницей и я не въ силахъ оправдываться передъ нею; я должна казаться ей виноватой—все противъ меня... Мнѣ уже нѣтъ здѣсь мѣста, я здѣсь чужая!.. Теперь я не имѣю права принимать ея благодѣяній. Я недостойна въ ея глазахъ. Да вѣдь она и права, я дурно ее отблагодарила. Но виновата ли я?.. что мнѣ дѣлать?..“

Нѣсколько мгновеній онаостояла, собираясь съ мыслями. Потомъ, вдругъ, очевидно приняла какое то рѣшеніе, подошла къ своему письменному столику, написала что то дрожащей рукой, запечатала въ конвертъ, а потомъ долго сидѣла опустивъ голову. Временами изъ язъ капали слезы.

Наконецъ, она глубоко вздохнула, встала, перекрестилась, взяла только что запечатанный ею конвертъ и пошла въ комнаты княгини.

Отъ встрѣтившейся горничной она узнала, что княгиня только что выѣхала.

Она прошла въ гостиную и положила на столъ, на самомъ видномъ мѣстѣ, свой конвертъ. Потомъ вернулась къ себѣ, быстро одѣлась и вышла изъ дома.

XXVIII.

Княгиня дѣйствуетъ.

Княгиня выѣхала въ такое необычно раннее для нея время потому, что въ томъ состояніи духа, въ которомъ она находилась, ей было рѣшительно невозможно сдерживаться. У нея явилась непреодолимая потребность волноваться, высказываться. Но все же она понимала, что это не приведетъ ни къ чому, а потому приказала какъ можно скорѣе заложить сани и отправилась по магазинамъ.

Чистый морозный воздухъ нѣсколько освѣжилъ ее. Но волненіе все же не утихало,—все ее раздражало. Она, чего съ нею никогда не случалось, перебранилась во всѣхъ магазинахъ, гдѣ на этотъ разъ ей ни чѣмъ не могли угодить. Всѣ вещи, которыхъ она хотѣла купить, казались ей никакими и при этомъ за нихъ запрашивали невозможныя цѣны.

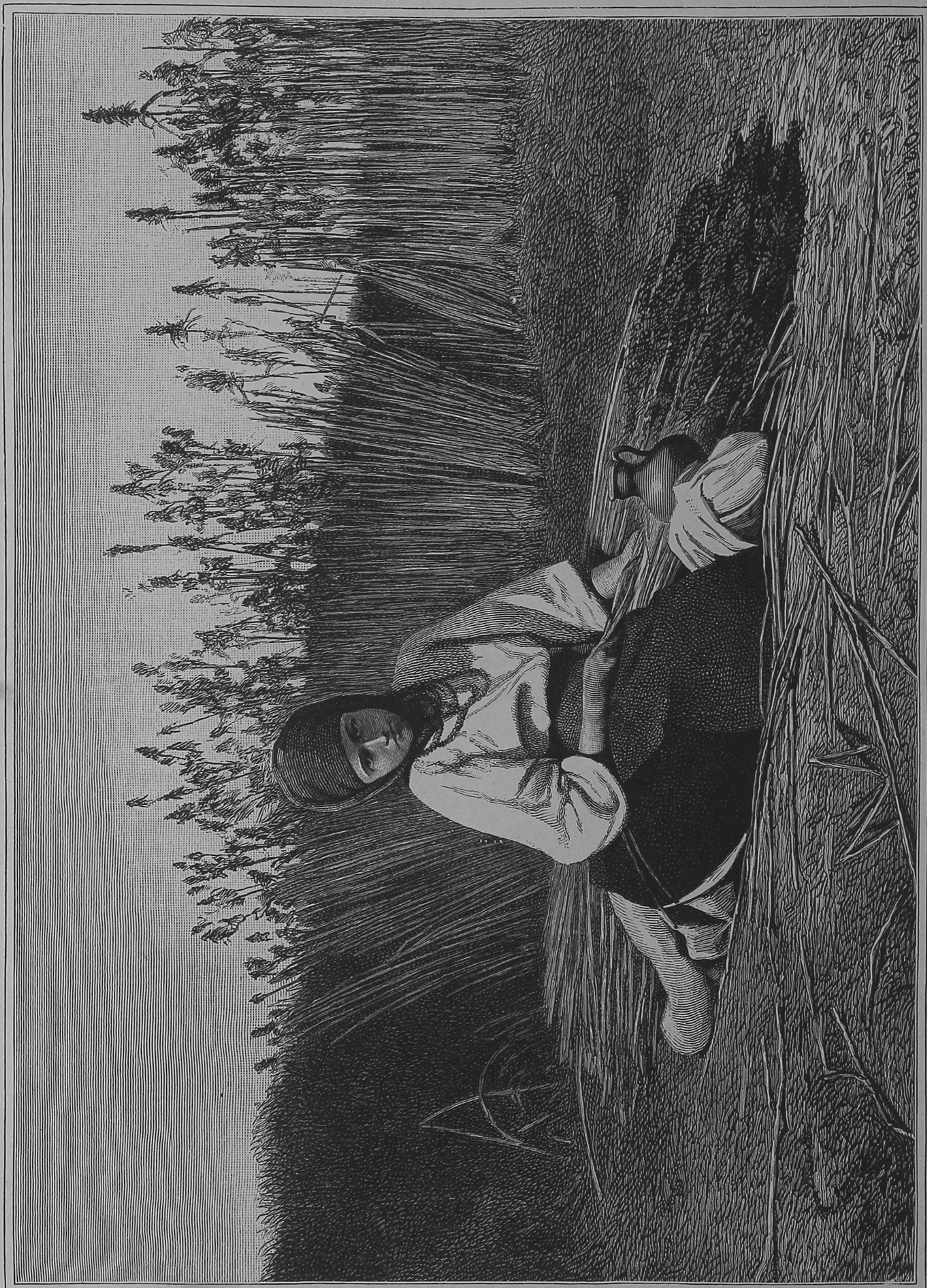
Наконецъ, пробѣдивъ часа два, она придумала сдѣлать нѣсколько визитовъ; но дорогою вдругъ раздумала и приказала везти домой.

Войдя въ гостиную, она замѣтила на столѣ письмо и узнала почеркъ Нины.

„Это еще что такое?!”

Она быстро распечатала конвертъ и прочла:

„Простите меня, дорогая княгиня (даже не ma tante, а княгиня—еще новая обида), я сознаю всю мою вину



Съемъ конопли. Ориг. рис. М. Зиновьева, грав. Кезеберг и Эртель.



Бюсты Золя и Доде—1910 г.

Преимный аппаратъ Общества Центральной Кухни.

Выездной воздушный кабриолетъ.

„Австралиянка“—танецъ XX вѣка.

Котелъ для варки супа въ Центральной Кухнѣ.

XX столѣтіе (изъ книги Робида). Рис. П. Гнѣдичъ, грав. Ю. Барановскій.



Современ. моды.
Корреспондентъ XX в.

Искусственный дождь.
Телефоноскопъ.

Современ. моды.
Машинка для изданія законовъ.

XX столѣтіе (изъ книги Робида). Рис. П. Гнѣдичъ, грав. Флюгель.

— Да, что эта небога подѣльваетъ, какъ она устроилась? проговорилъ Морозъ, еле сдерживая себя.

— У нихъ одна горькая доля: какъ мать потеряла мужа, такъ и дочь.

— Что ты, что ты говоришь, хлопецъ... Дочь была замужемъ, а мужъ где?

— Пропалъ, атаманъ, пропалъ, ушелъ и скончалъ, проговорилъ сквозь слезы Осипъ.

— Добре, добре, хлопецъ, довольно, остановилъ его вставая

Морозъ. Будетъ говорить. Схороненного не выроешь изъ могилы. Гей! крикнулъ Морозъ. Доведи хлопца до канцеляріи, приказалъ онъ вошедшему казаку, указывая на Осипа, да скажи, чтобы дали ему одежду, оружіе и записали ко мѣ въ нарядъ. Ступай съ казакомъ, хлопецъ!

Поздно вечеромъ Осипъ, въ одѣждѣ сѣчевика, стоялъ на часахъ у хаты кошеваго атамана и задумчиво смотрѣлъ на мерцающія звѣзды: хотѣлъ ли онъ разгадать по звѣздамъ, что будетъ съ нимъ, какая его судьба?...

(До слѣд. №).

Органъ слуха у насѣкомыхъ.

Очеркъ.

Когда соловей уступаетъ мѣсто другому маленько музыканту, предвозвѣстнику весны, изощряться въ своемъ талантѣ въ кустахъ и травѣ,—стрекозѣ;—она также признаетъ за собой музыкальная достоинства и своимъ чиликаньемъ желаетъ привлечь вниманіе. Ближайшій родственникъ стрекозы — полевой кузничекъ, служить даже, какъ музыкантъ, предметомъ торговли. Въ Венеціи англичане-путешественники съ большой охотой покупаютъ маленькия проволочные клѣтки съ этими незатѣмливыми, полевыми музыкантами.

Сверчокъ также, какъ и стрекоза, можетъ производить стрекочущіе звуки тренiemъ крылышекъ и заднихъ ногъ, которые также безъ труда воспринимаются человѣческимъ ухомъ.

Совершенно иной голосовой аппаратъ находимъ мы у жука-носорога. У него на спинѣ задній край первого грудного кольца, подернутаго кожнымъ покровомъ, оканчивается острой волосоподобной каймой, которая служить какъ бы скрипичнымъ смычкомъ; онъ касается слѣдующаго кольца, на которомъ при микроскопическомъ изслѣдованіи можно замѣтить мельчайшую волосянную бахрому. При треніи этихъ двухъ колецъ между собой, происходитъ всѣмъ извѣстный звукъ, производимый этимъ насѣкомымъ.

Другой подобный же жукъ — *Grammoptera ruficornis* — представляетъ большой интересъ въ этомъ отношеніи. У него ширина скрипичной бахромки равняется только $\frac{1}{25}$ миллиметра, на которой однако же размѣщено 1030 волосковъ и которые, слѣдовательно, въ 30 разъ стоятъ плотнѣе другъ къ другу, чѣмъ у жука-носорога. Если этотъ жукъ производить треніе колецъ, то человѣческое ухо не ощущаетъ ни малѣйшаго звука. И такъ музикальный аппаратъ, подобный смычку и скрипкѣ, находится на лицо: глазъ видѣть движеніе грудныхъ колецъ, а между тѣмъ звукъ отсутствуетъ. По законамъ акустики, здѣсь долженъ получаться звукъ такого высокаго тона, котораго человѣческое ухо воспринять не можетъ.

Но спрашивается, для кого же производить насѣкомое столь высокій, неслышимый нами звукъ?

У птицъ, одаренныхъ почти человѣческимъ акустическимъ аппаратомъ, звуки служатъ, начиная отъ простаго призыва, до пѣнія, выраженіемъ самыхъ нѣжныхъ и страстныхъ чувствъ, какъ напримѣръ, въ любовной пѣснѣ соловья. Для той же цѣли голосовой аппаратъ служитъ и у насѣкомыхъ. Стрекоза своимъ безыскусственнымъ чиликаньемъ, которое раздается на всѣ лады, издали приманиваетъ самку; положительно можно сказать, что самка-стрекоза не только обладаетъ слухомъ, но и умѣеть различать качество звука, и въ этомъ своеобразномъ пѣніи находить удовольствіе. Самка вышеназванаго жука — *Grommortera ruficornis* — также въ состояніи воспринимать для насть неслышимые звуки и оцѣнивать ихъ по достоинству; въ этомъ отношеніи она далеко превосходитъ человѣка, ухо котораго значительно ограничено для высокихъ и низкихъ звуковъ.

Производящій звуки органъ долженъ конечно имѣть и соответствующій аппаратъ для восприятія ихъ особыми той же породы насѣкомыхъ. Однако эта очевидная и логичная взаимность настолько еще не подтверждена опытами и наблюденіями, что трудно сказать, какимъ именно образомъ насѣкомыми звукъ воспринимается.

У нѣкоторыхъ породъ насѣкомыхъ ухо различается съ достаточной ясностью; у большинства же, преимущественно тѣхъ, которые производятъ вышеупомянутые звуки, тщетно добиваются до сихъ поръ открыть, несомнѣнно существующій, слуховой аппаратъ.

Ранѣе существовало мнѣніе, что передача звука нервной системѣ происходитъ у насѣкомыхъ при посредствѣ щупальцевъ. Одинъ естествоиспытатель замѣтилъ, что сидящая у него на окнѣ моль обращала къ нему ближайшій усыкъ, какъ только онъ производилъ звукъ. Также нѣкоторые ученые находили, что самка-стрекоза обращала всегда свои длинные щупальцы по направленію къ чиликающему самцу, чтобы лучше слышать музыку. Новѣйшая же наблюденія говорятъ, что хотя дѣйствительно многія насѣкомыя, воспринимая звукъ, часто двигаютъ щупальцами, какъ бы желая распознать мѣсто, откуда происходитъ звукъ, однако насѣкомыя въ состояніи слышать и въ томъ случаѣ, если щупальцы ихъ будутъ обрѣзаны; отсюда можно заключить, что врядъ ли щупальцы играютъ роль слухового органа, но что они могутъ служить какъ хорошия проводники звуковой волны, подобно ушнымъ раковинамъ у позвоночныхъ животныхъ.

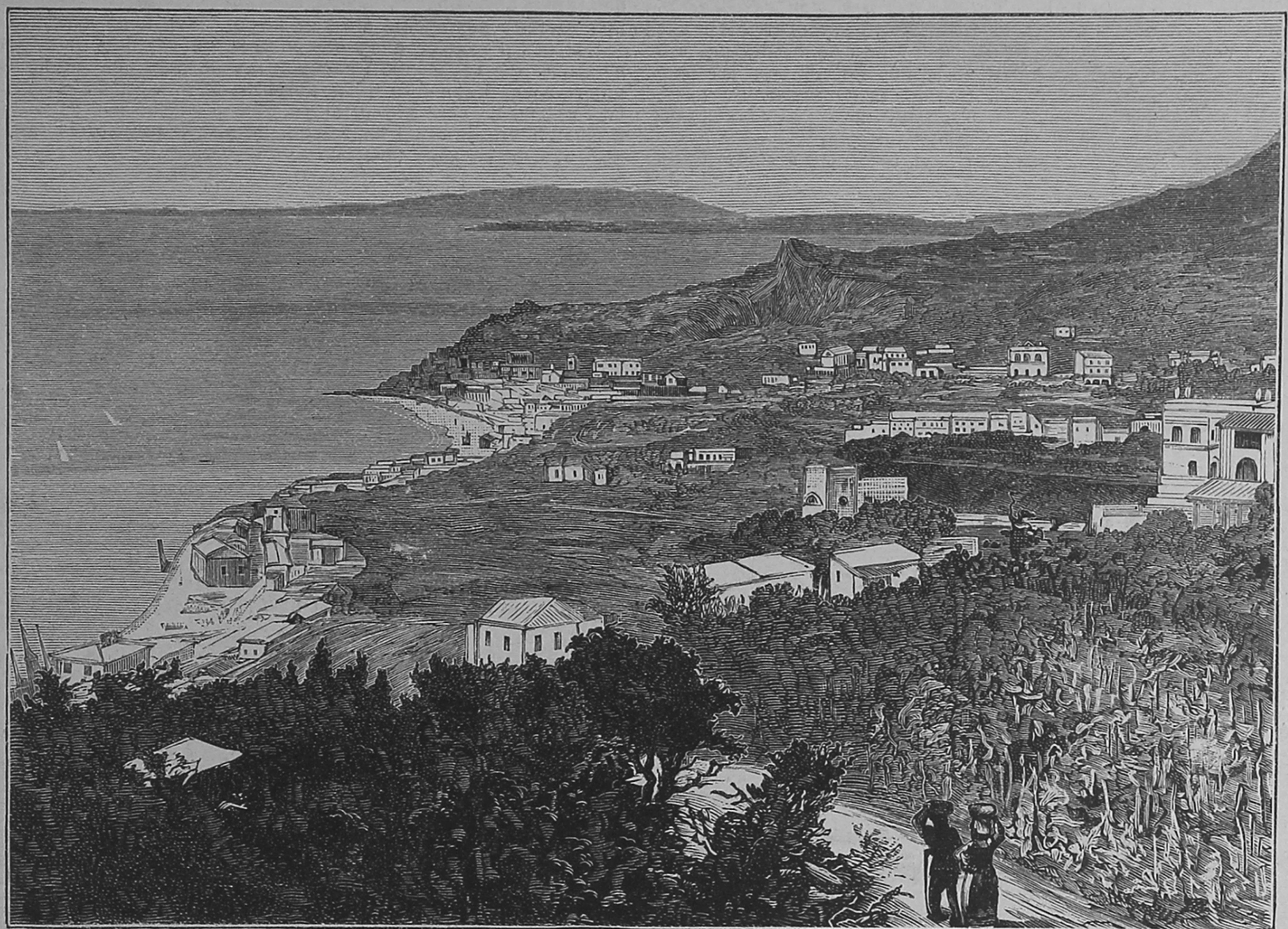
Характерны у стрекозы и кузничика кожные покровы, которые весьма схожи съ барабанной перепонкой уха; къ тому на нихъ располагаются оконечности первовъ, такъ что много шансовъ предположить, что самая кожа и служить для восприятія звука. Однако это относится къ небольшому числу насѣкомыхъ; у большинства же, какъ это удалось открыть Грибберу, находятся особые чувствительные первые аппараты, которые не имѣютъ барабанной перепонки и служить одновременно, какъ для акустическихъ, такъ и для слуховыхъ цѣлей. Но вопросъ о томъ, всѣ ли насѣкомыя могутъ слышать, еще далеко не решенъ въ окончательной формѣ. Іонъ Люббонъ, замѣчательный своими наблюденіями надъ животными, утверждаетъ, что муравьи, которые поражаютъ насъ своимъ развитіемъ, въ состояніи только самая тончайшая, для насъ неуловимая, звуковая волны воспринимать и что слухъ ихъ обладаетъ совсѣмъ иными качествами, чѣмъ нашъ. Они остаются повидимому совсѣмъ равнодушными ко всевозможному шуму, производимому возлѣ нихъ. Но, съ другой стороны, что муравьи при помощи звуковъ, взаимно объясняются, прикасаясь щупальцами другъ къ другу, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Этимъ путемъ, напримѣръ, стоящіе на передовыхъ форпостахъ муравьи извѣщаютъ колонію о грозящей опасности, для принятія необходимыхъ мѣръ обороны, или если вслѣдствіе непомѣрной тѣжести ноши приходится призывать на помощь работниковъ.

Витусъ Граберъ нашелъ, что большинство насѣкомыхъ обладаетъ способностью воспринимать звукъ. Такъ онъ бралъ экземпляръ только что пойманаго таракана-prusака, пускалъ его въ комнатѣ на полъ и черезъ извѣстные промежутки времени производилъ при помощи скрипки звукъ. Прусакъ каждый разъ приостанавливавъ на одинъ моментъ свой быстрый бѣгъ и повторялъ это все время, пока звуки не быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Если же звуки повторялись послѣ короткой паузы, то насѣкомое не обращало на нихъ вниманія; оно очевидно понимало, что непривычный звукъ не можетъ причинить ему никакого вреда, и относилось къ нему равнодушно.

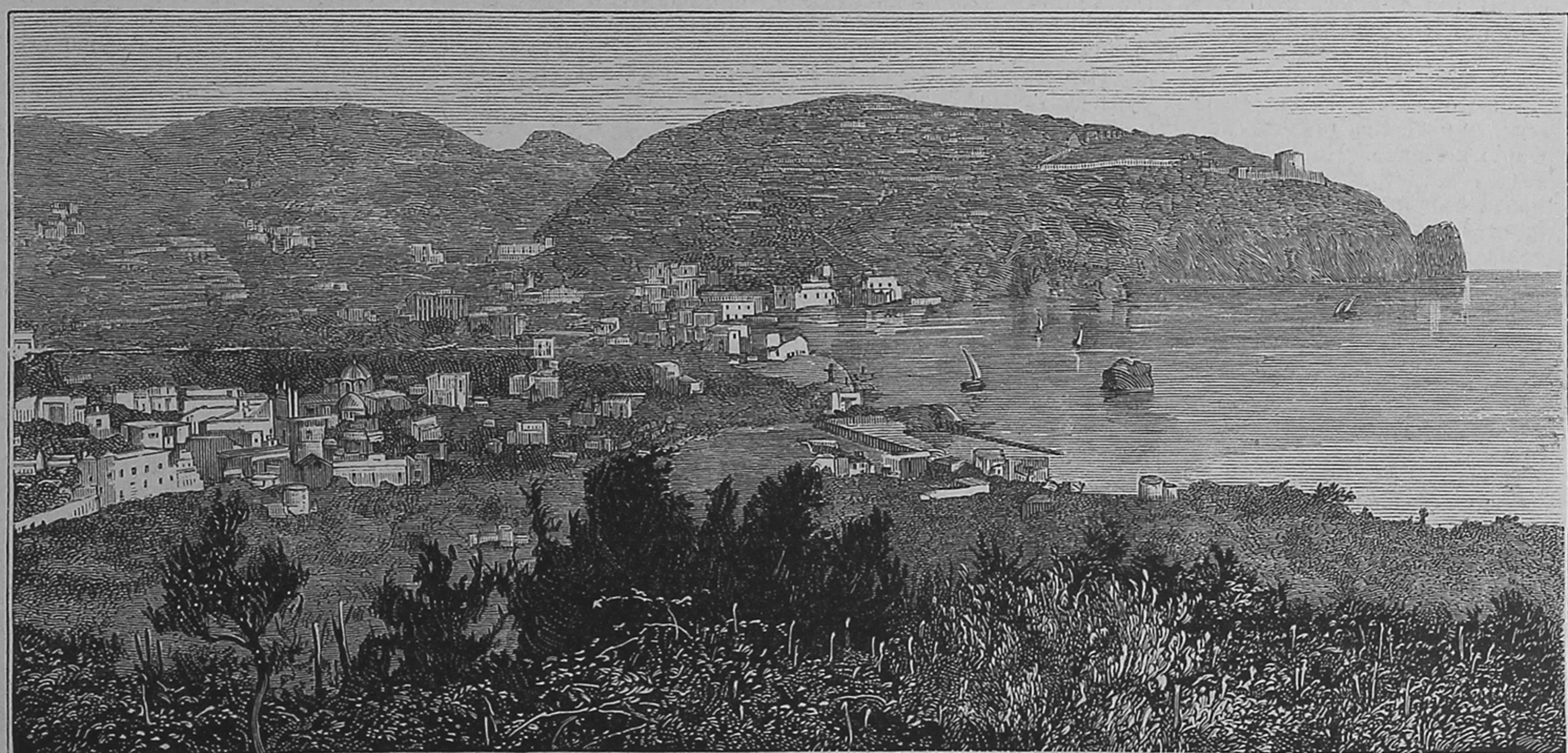
При другомъ опыте было взято большое число прусаковъ и посажено подъ стеклянныи колпакъ. При достаточной силѣ звука, отъ удара по колпаку, насѣкомыя, съ явными признаками беспокойства, быстро перебѣгали одинъ къ другому, удалялись отъ стѣнокъ и собирались въ серединѣ. Были также произведены опыты надъ живущими въ воздухѣ насѣкомыми: нѣкоторыми породами жуковъ, комнатными и полевыми мухами, бабочками и т. д.; они вели себя схоже съ прусаками, но беспокойство у нихъ при произведеніи звука выражалось не такъ рѣзко; они, напротивъ, скорѣй какъ муравьи, при сильномъ шумѣ, не проявляли никакихъ признаковъ обладанія слуховыми аппаратами. Изъ живущихъ въ водѣ насѣкомыхъ сдѣлано было наблюденіе надъ водянымъ клопомъ.

Опытъ производился въ аквариумѣ, гдѣ насѣкомое преимущественно держалось на днѣ и предавалось покою, держалось крѣпко за камешекъ или стебель растенія. Оно находилось въ выжидательномъ положеніи и каждую секунду было въ полѣйшей готовности быстро, безъ малѣйшаго замедленія, предпринять бѣгство. Когда происходилъ шумъ отъ удара о края сосуда, насѣкомое почти моментально оставляло свое мѣсто и быстро двигалось въ водѣ, выскакивая по временамъ на поверхность, чтобы подышать воздухомъ; минуту спустя оно успокоивалось и принимало прежнее выжидательное положеніе. Удары стеклянной палочки о края сосуда, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, черезъ извѣстные промежутки времени, каждый разъ обращали въ бѣгство насѣкомое. Но чтобы доказать, что причиной, заставляющей водяного клопа обращаться въ бѣгство, не было механическое сотрясеніе воды отъ звуковой волны, Граберъ производилъ возлѣ насѣкомаго искусственныхъ волны, при помощи тонкаго пруттика съ кружечкомъ на концѣ, и оно не обращало на это ни малѣйшаго вниманія. Если же слѣдовалъ звукъ отъ удара, при чёмъ на водѣ появлялись концентрическіе круги, то насѣкомое быстро покидало свое мѣсто.

Изъ этого наблюденія можно заключить, что насѣкомое обладаетъ способностью воспринимать звуки и что извѣстнаго рода звуки производятъ на него непріятное впечатлѣніе. Такъ, бѣгство водяного клопа объясняется боязнью звука, происшедшаго отъ удара палочкой о стеклянныи сосудъ. Наука еще очень мало знакома съ проявленіями ощущеній у насѣкомыхъ, но можно съ достовѣрностью сказать, что они имѣютъ или отпечатокъ удовольствія и страсти, чemu служитъ доказательствомъ



Катастрофа на островѣ Искіи. Видъ города Казамиччіола. Съ фотограф. грав. М. Рашевскій.



Катастрофа на островѣ Искіи. Общій видъ острова Искіи. Съ фотограф. грав. М. Рашевскій.

Станциі для дилижансовъ и сараи для экипажей придется помѣщать на высшихъ точкахъ города,—крышахъ, башняхъ, и проч.

И женскіе и мужскіе костюмы будуть до крайности просты и цѣлесообразны. Плотно обтянутые ваттеръ-пруфы, шароварчики, высокіе чулки будутъ очень, красивыми подробностями и мужскаго, и женскаго туалета. Кружевные воротнички и манжеты, въ бальныхъ костюмахъ приадутъ мужчинамъ нѣкоторую игривость. Самый способъ танцеванья можетъ заслужить только похвалу: это будетъ не сонное шарканье въ кадрили, а полезные для здоровья гимнастические прыжки и присѣданья. Для того, чтобы слушать оперу, не надо будетъѣздить въ театръ: въ каждой квартирѣ будетъ телефоноскопъ—аппаратъ, съ помощью которого можно не только слышать пѣніе и музыку, но и видѣть исполнителей. На стѣнѣ, въ освѣщенномъ кругу, является отраженіе сцены и театра, при чемъ артистовъ можно видѣть во весь ростъ и на близкомъ разстояніе. Такое изобрѣтеніе не есть плодъ фантазіи г-на Робида: въ Америкѣ уже появились зачатки такихъ аппаратовъ: получается

сты-портреты Эмиля Золя и Альфонса Доде, которые будутъ избраны въ 1910 году въ академики. Очень зло подсмѣивается авторъ надъ современными законопроектами во Франціи, утверждая, что будетъ со временемъ устроена для этого машинка: повернуть министръ колесцо—и является отлично составленная новая статья закона, или проектъ какого нибудь предпріятія необычайной важности.

Наконецъ человѣкъ научится даже спасать себя отъ всевозможныхъ метеорологическихъ непріятностей. Если, напримѣръ, въ данной мѣстности засуха,—по огромнымъ трубамъ приводится въ особый аппаратъ вода, которая превращается въ облако, и влажными клубами выбрасывается въверху. Облако насыщаются электричествомъ—и гроза освѣжаетъ воздухъ...

Такихъ диковинокъ въ книгѣ Робида множество. Дорогая книга (около 20 рублей) дѣлаетъ ее недоступной большинству. На прилагаемыхъ рисункахъ, художникъ скомпоновалъ группами отдельно разбросанные по страницамъ наброски.



Укротитель змѣй и крокодиловъ г. Сванъ. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Ращевскій.

хотя и неясное, но схожее представление того лица, которое говорить съ вами по телефону. Что-же можетъ быть удобнѣе: лежать послѣ обѣда съ сигарой на софѣ, говорить съ гостями и въ тоже время слушать Аиду или Faуста!...

Однимъ изъ грандиознѣйшихъ предпріятій XX-го вѣка, Робида очерчиваетъ общество центральнаго снабженія пищею Парижа. Въ центрѣ города устраивается огромная кухня, откуда по трубамъ доставляется абонентамъ обѣдъ, ужинъ и пр. Въ колоссальныхъ котлахъ готовится супъ. Цѣлый отрядъ поваровъ съ вилами поворачиваетъ куски говядины, цѣдятъ бульонъ черезъ огромныя сита. По всевозможнымъ пневматическимъ и гидравлическимъ трубамъ проходятъ кушанья въ дома. На приемномъ аппаратѣ человѣкъ отворяетъ кранъ или дверцу: въ миску льется бульонъ, въ соусникъ—сокъ, на блюда бифштексы и ростбифы. Конечно не обходится безъ несчастій. Робида рисуетъ случай трагической смерти повара, сварившагося въ кипящемъ супѣ. Другой, не менѣе печальный случай—лопнувшая суповая труба въ домѣ. Струя жирнаго горячаго бульона пробила стѣну и хлещетъ фонтаномъ на роскошную обстановку дамскаго будуара...

Не лишены юдости и соли насмѣшки Робида надъ Академіей Наукъ въ будущемъ вѣкѣ, при чемъ онъ прилагаетъ бю-

Укротитель змѣй и крокодиловъ, Сванъ.

Для посѣтителей, нынѣшнимъ лѣтомъ, петербургскихъ увеселительныхъ садовъ, укротитель змѣй и крокодиловъ, г. Сванъ, представляетъ оригиналную новинку. Акваріумъ его изображенъ на нашемъ рисункѣ.

Сколько помнимъ, укротитель такого рода появился въ первый разъ. Г. Свану 33 года. Онъ родомъ изъ Манчестера; средняго роста, тѣлосложенія крѣпкаго. Профессіей своей занимается съ 1877 года. Дебютировалъ впервые въ Гамбургѣ.

„Еще въ юности“, говорилъ онъ самъ, „я всегда любилъ животныхъ, изучалъ ихъ жизнь, натуру, привычки. Я чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ укрощенію звѣрей. Странствую по центральной Америкѣ, въ Индіи, въ особенности, я всегда любовался и завидовалъ тамошнимъ укротителямъ.“

„Вернувшись въ Европу, въ 1877 году, я, въ первый разъ, въ гамбургскомъ зоологическомъ саду, рѣшился испробовать себя въ борьбѣ съ находившимися здѣсь крокодилами и змѣями. Первый дебютъ мой былъ довольно печаленъ для меня, и я чуть не поплатился жизнью. Опустившись въ акваріумъ, я вступилъ въ борьбу съ пресмыкающимися. Въ то время, когда я схватилъ и поднялъ надъ головой большаго удава, онъ хвостомъ

